



ЛЮБАЯ ФОТОГРАФИЯ – ЭТО ИСТОРИЯ

ФОТОГРАФЫ –
ТЕ ЖЕ РАЗВЕДЧИКИ,
СПОРТИВНЫЕ ФОТОГРАФЫ –
ТЕМ БОЛЕЕ. ТВОРЧЕСКИЙ
ДУЭТ – АНДРЕЙ ГОЛОВАНОВ
И СЕРГЕЙ КИВРИН – «ГУРУ»
В СВОЕЙ ПРОФЕССИИ. ЭТО ИХ
СНИМКИ МЫ ВИДИМ НА ПЕРВЫХ
ПОЛОСАХ ГАЗЕТ И ЖУРНАЛОВ.
БЫТЬ НЕЗАМЕТНЫМИ – ИХ
ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ
СТИЛЬ, БЫТЬ ЛУЧШИМИ –
ЖИЗНЕННОЕ КРЕДО.

ЛИЧНОЕ ДЕЛО

Андрей Голованов (родился 5 ноября 1962 г.) и Сергей Киврин (родился 27 октября 1955 г.) сотрудничают с такими изданиями, как «Спорт-экспресс», «Советский спорт», «Итоги», Prosport, Los Angeles Times, Newsweek, «Огонёк» и др., информационными агентствами Associated Press, Reuters, AFP, имеют опыт работы с международными федерациями волейбола, хоккея, тенниса. Ими были созданы фотоальбомы «Лиллехаммер-94», «Атланта-96», «Солт-Лейк-Сити-2002», «Триумф» (Кубок Дэвиса – 2000), «Большое сердце хоккея» (2008), организованы выставки «Сидней-2000» в ЦДХ, «Триумф» (Кубок Дэвиса – 2000) в МДФ, «Герои Афин» в Фотоцентре Союза журналистов и в торго-

развлекательном центре «Атриум». Последняя выставка авторских работ, прошедшая с успехом в сентябре 2008 г., – «Игры-2008. Вкус наших побед!» – была посвящена олимпийским играм в Пекине. Андрей и Сергей являются авторами заявочной книги и всей рекламы, направленной на продвижение Москвы на проведение Олимпиады-2012 и Сочи – на проведение зимней Олимпиады 2014 г. Они получили награды на самых престижных фотоконкурсах в России, Франции, Голландии, Бельгии, Швеции, Германии, Японии (Press Photo, Adidas AIPS Canon, Inter Photo, Nikon и др.), стали одними из первых лауреатов премии «Галерея российской спортивной славы «ГРОСС» в номинации «Лучший спортивный фотосюжет».



*Олимпийские
игры в Лил-
лехаммере,
1994 г. Андрей
и Сергей впер-
вые работают
вместе*



Слева:
Андрей Голованов
и Ирина Слуцкая.
После поражения
в Турине,
2006 г.

Внизу:
возвращение
из Сиднея, 2000 г.
В самолете с кол-
легой Робертом
Максимовым —
тату на память

«ХОРОШИЙ
СНИМОК —
РИСК ОСТАТЬСЯ
ВООБЩЕ БЕЗ
ИЗОБРАЖЕНИЙ»

Андрей, Сергей, почему вы решили работать вместе? Творческие люди, как правило, индивидуалисты.

С.К.: Один фотограф может прозевать что-то — в репортаже такое случается. Вдвоем проще: один другого страхует. И, если объект от тебя отвернулся, он повернулся к твоему товарищу.

А.Г.: Допустим, я занимаюсь рабочими моментами, а Сергей идет на риск. Он может многого не снять, но у него есть время и возможность сделать уникальную фотографию.

С.К.: Хороший снимок — риск остаться вообще без изображений. Ты берешь нестандартный объектив, которым сложно попасть в резкость, если, предположим, снимаешь крупный план. Фотографы обычно работают на заказ — что называется, в номер — и обязаны снять Авербуха с Лобачевой! У одного из нас, может, не будет такого кадра, потому что он ловит один глаз Лобачевой и один — Авербуха! Он может вообще ничего не снять, а может сделать уникальный кадр.

Идея такого кадра рождается во время съемки?

С.К.: Нет, раньше. Мы знаем, кто как радуется и переживает, у кого при этом интересное лицо. В свое время много снимали теннис. Андрей всегда угадывал, кто ляжет, кто будет прыгать, кто швырнет ракетку... У каждого свой характер. Поэтому занимаем соответствующую позицию и берем соответствующий объектив.

А.Г.: Допустим, мы поехали на чемпионат мира. Но перед этим уже видели программу и знаем, что и как будет происходить. Скажем, Навка с Костомаровым делают свою знаменитую пробежку. Нам известно, где они начнут и как будут двигаться, мы к этому готовы. И, если снимем с разных точек, обязательно получится!



С.К.: Фотограф что делает? Останавливает мгновение. Достаточно посмотреть один прогон программы, и ты уже знаешь, где что снимать. Надо только занять правильную позицию. И считай, все готово: современная аппаратура позволяет делать двенадцать кадров в секунду. Поэтому съемка фигурного катания — одна из самых простых. Шахматы снимать сложнее. Там нужно ждать часов восемь — сидеть и долго-долго смотреть в дырочку...

Что снимаете в шахматах — эмоции?

С.К.: Конечно. Там такие страсти! Другое дело, что сейчас люди стали матрешками — во всех видах спорта. Вот раньше были типажи... Таль — это же Паганини! Горбатый нос, травмированная рука, сидел и курил папиросы одну за другой... Есть масса художественных приемов, которые могут передать этот образ. А фигурное катание — само по себе образ. Там все создано до нас. Для творчества остается очень маленький сектор — фрагменты, портреты...

Что значит «люди стали матрешками»?

С.К.: Старшинова, Харламова или Локтева можно было узнать, не глядя на номер. Узнавали уже по тому,



как каждый из них держал клюшку, как был надет шлем... А сейчас личностей нет. Нюансы исчезли, остался сурдоперевод.

А.Г.: А как же Овечкин? По-моему, у него есть свой стиль.

С.К.: Даже он не дорос еще до предшественников. Тогда у всех были характеры и все были разными. А сейчас это Димы Биланы — все друг на друга похожи. Точно также метаются по площадке, и никто не выделяется.словно инкубаторские.

У вас есть любимчики — те, кого интересно и хочется снимать?

А.Г.: Для меня это Ира Слуцкая.

С.К.: Есть люди, с которыми близок, — их хочется снимать постоянно. В свое время я дружил с Ириной Моисеевой и Андреем Миненковым. Снимать их было сложно, потому что сильно переживал. Фотограф должен быть бесстрастным — тогда вся страсть перейдет в фотографию.

С вашим опытом вам приходится еще чему-то учиться?

А.Г.: Недавно снимали хоккей — новую лигу КХЛ — и научились камеру с радиоуправлением устанавливать в воротах. Оказалось, достаточно прикрыть ее небольшим щитком из стекла. Не так сложно, как мы думали. Главное — угадать, в какие ворота забьют гол. Мы решили, пусть судьба распорядится сама. Укрепили камеру в воротах еще до того, как хоккеисты вышли на раскатку. И получилось! В последнее время судьба меня не подводит.

С.К.: Андрей вообще перышник. Ему везет. Я — трудяга. Буду работать в поту весь день, таскать на себе гору аппаратуры, и у меня ничего не получится. А он придет на три минуты, нажмет на кнопку — и все, дело сделано, кадр есть. Единственный гол в матче забил — и как раз в те ворота, куда он поставил камеру!

У Андрея учеба связана с удачами, а у меня, наоборот, с неудачами. К примеру, на Олимпиаде в Пекине я раньше времени ушел со стендовой стрельбы. А там спортсмен упал в лужу и бился в истерике! Я его не снял. А ведь знаю, что надо уходить последним: жизнь не раз подтверждала этот тезис. Раньше все сидели в баре и пили кофе, а я делал уникальные кадры.

Конечно, мы следим за развитием техники. Но главное — не стоять

на месте, развиваться самому как личность. Ходить в театры, читать книжки. Думать о том, почему листья зеленые, почему солнце светит, почему дождь идет... Эта учеба будет происходить всю жизнь. И я в этом отношении абсолютный дилетант, ученик первого класса. Всему удивляюсь в отличие от Андрея — он-то давно все понял...

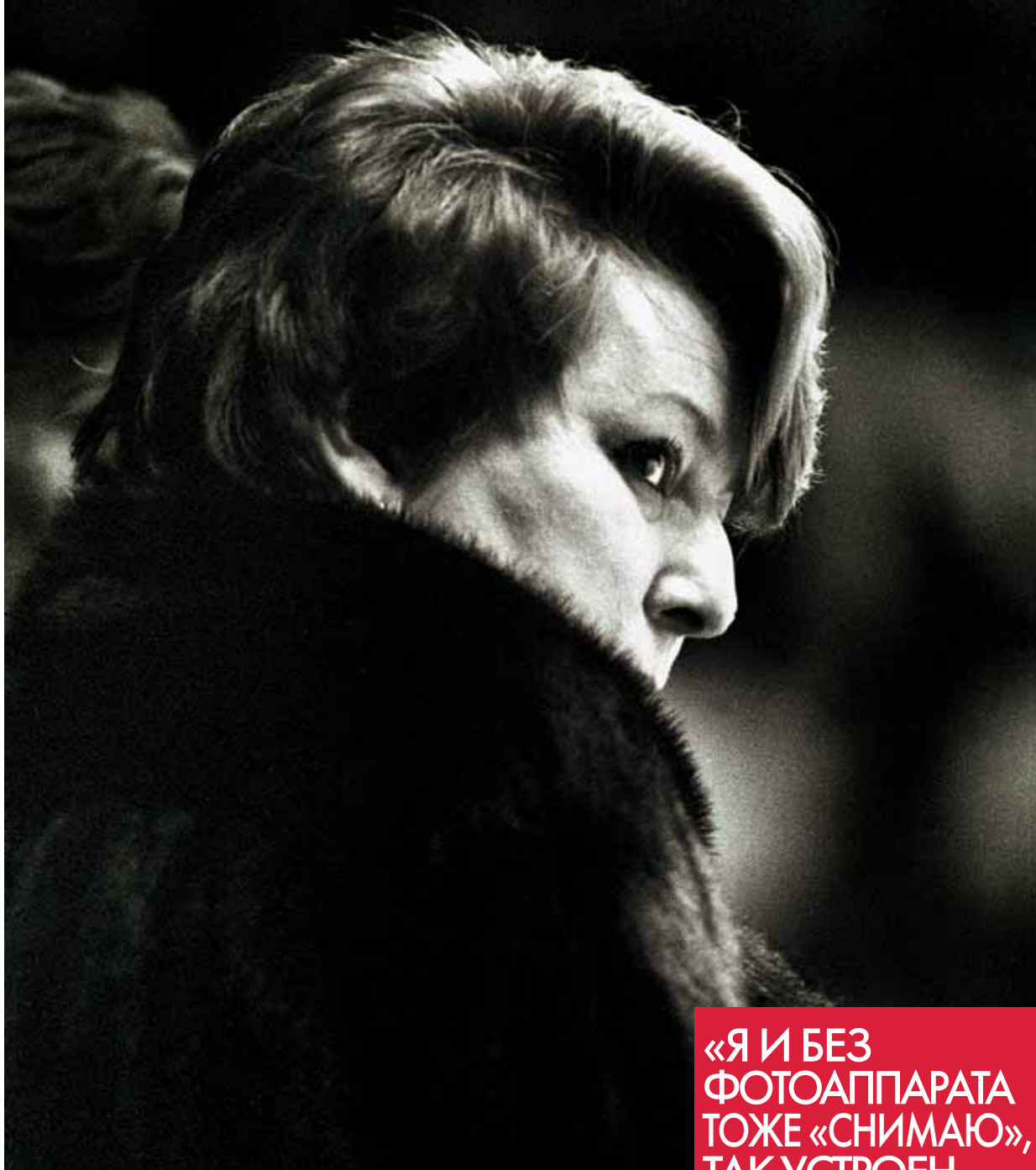
Понял, почему листья зеленые? Андрей, почему?

А.Г.: (смеется) Потому что время пришло.

С.К.: А я вот не взрослою — задержался в малышейовой группе.

Вам можно только позавидовать!

С.К.: Так и происходит. Многие завидуют, и это проблема. У меня вот нет чувства зависти. Если кто-то сделал фантастический снимок, буду восхищаться и радоваться, даже если этот кто-то — негодяй, которого я терпеть не могу. Я радуюсь за фотографию, а не за человека. Она ведь живет беспризорной жизнью — мы, как правило, не знаем автора. Посмотрели на фото и думаем: «Хорошая картинка!» — и в помойку ее! Это не та область, где надо становиться известным



**«Я И БЕЗ
ФОТОАППАРАТА
ТОЖЕ «СНИМАЮ»,
ТАК УСТРОЕН
МОЙ МОЗГ»**

*Пекин, 2008 г.
Восхождение
на Великую
китайскую стену
с целью водрузить
Чебурашку —
символ российской
сборной*



и популярным, фотографа не должны замечать вообще. Когда на него перестают обращать внимание, открывается истинная жизнь.

Почему же хорошую картинку сразу в помойку?

С.К.: Меня это не смущает: делайте с ней, что хотите! Я не снимаю для зрителя — только для себя.

А.Г.: А мне нравится быть лучшим. Мы подняли планку и стараемся ее держать. Даже если обществу эта высота не нужна, она нужна нам. Порой требуется хорошая работа — все равно ведь к нам обращаются. Знают, что мы спасем и поднимем имидж издания.

С.К.: Раньше я таким образом пытался завоевать авторитет у жены. Показать ей, что я — классный фотограф и могу делать прекрасные кадры, чтобы она

мною гордилась. Теперь-то уже известно, кто есть кто, ее ничто не удивляет и не восхищает. Поэтому я снимаю для себя. Мне абсолютно все равно, что скажут, — вот клянусь! Главная оценка — моя. Если доволен, это счастье. Половину фотографий, которые я снял, никто никогда не видел.

Настоящая репортерская фотография исчезла — исчез целый жанр. Что такое сегодня очерк о человеке? Это интервью с ним и фото — крупный план и средний план в интерьере квартиры. Помню, Макс Альперт делал очерк о хирурге Амосове: снимал его до операции, после операции, дома, в кабинете, задумчивым, таким, сяким, усталым — вот это работа! Рассказ о человеке, а не о джинсах, в которых он ходит. Сейчас вывели новую породу кур: не обязательно нести золотые яйца, главное — клевать. Старым курам, конечно, сложно в этой ситуации. «У меня есть золотое яйцо, я снес. Не нужно никому?» Увы, не нужно...

А.Г.: Голову к камере не приставишь! То, что снимают все, мы снимали уже раз сто пятьдесят! Вот поэтому и рискуем — хотим подняться на ступеньку выше. Потому что иначе неинтересно.

С.К.: Сама жизнь изменилась — спорт стал очень грязным. Он не решает уже тех задач, ради которых был придуман, — замена войны. Сам потихонечку в войну превращается: пьянство, драки на трибунах, оскорбительные лозунги, мафия... Раньше этого не было. Я помню, как в детстве ходил с папой на футбол, — в жизни никогда не слышал мата! Если появлялся пьяный, его выводили, не дожидаясь милиции. Хлопали даже успеху противника. Любая удачная подача сопровождалась овацией. Как в театре! Спорт был чище, наивнее и отвечал своему первоначальному смыслу.

С развитием техники вам стало проще работать?

А.Г.: Легче не стало. Отпала пленка, отпал проявитель, отпал сканер, но появился компьютер, с которым приходится проводить много времени. Если раньше журнал печатался два месяца, то сейчас — максимум неделю. Поэтому работать приходится очень быстро.

С.К.: С появлением цифровой фотографии из нашей работы исчезла тайна. Материальная вещь превратилась в сигнал. Пленку можно было пощупать. С нее делались фотографии, которые тоже можно было пощупать. Сейчас это файл. Старой тайны нет, но есть новая. Никто не знает, что это такое файл! Его нет! Просто раньше тайна была более осязаемой — дурно пахнувший проявитель, красный свет... Разве не волшебство момент, когда на белой бумаге начинает проявляться лицо?

Вы не сторонники цифры?

С.К.: Это все равно что сказать: телега, запряженная лошастью, — экологически чистый транспорт и потому, самый лучший. Все равно, если понадобится ехать в Петербург, вы выберете поезд, самолет или машину. Они, может быть, отравят атмосферу, но вы доедете с большим комфортом. А если решитесь ехать на теле-

ге, безнадежно отстанете. Цифра дает лучшее качество, чем пленка, — это данность.

А.Г.: Результат на фотобумаге получается красочней и ярче.

С.К.: Если бы в конце 70-х была цифра, я обладал бы огромным архивом! Но, увы, тогда даже пленки хорошей нам не давали. Снимали на ORWO, где преобладает зелено-желтый цвет, и на шосткинскую пленку. Зерно — с кулак! Как мы ни разбавляли проявитель, чтобы сделать его помягче, — ничего не спасало.

Фотографии получались жуткого качества, даже у самых именитых фотографов. Сейчас я смотрю на свои старые работы и удивляюсь: как их можно было кому-то показывать? Хотя некоторые из них побывали на выставках... Но есть вещи, за которые отвечаю: я бы, может, и сейчас лучше не снял.

При чем же здесь тогда пленка?

С.К.: Качество — неотъемлемая часть восприятия. Допустим, вы сняли что-то фантастически красивое или уникальное — к примеру, инопланетян. Если напечатаете фотографию вяло, серо, не отретушируете царапины, если останется пыль, на нее никто не обратит внимания. А если девочку-первоклассницу, но так, что все будет звенеть, — ее заметят все! Так что качество должно быть высоким.

Вы храните старые пленки?

С.К.: А куда же они денутся? Конечно! Если, конечно, они не сгорели: у меня часть архива пропала в 93-м году. Половина — в огне, а другую залили водой. И самое ужасное, что это был архив отца (он тоже был фотографом — Владислав Киврин).

А Андрей? Он почему-то больше отмалчивается, предпочитает слушать...

С.К.: А он — слушатель академии, не педагог! Я-то преподаю, а он — так...

А.Г.: Конечно, я же позже начал снимать.

С.К.: Мы с 86-го года вместе. Андрей должен был делать карьеру архивариуса в «Советском спорте», а я ему помешал. Однажды, просматривая газету, увидел любопытную картинку... И, когда у нас в журнале «Советский Союз» появилась внештатная должность фотографа, посоветовал взять его.

А.Г.: Мой переход в «Советский Союз» решался на уровне отдела пропаганды ЦК. Главный редактор «Советского спорта» заявил на одном из заседаний, что у него переманивают молодые кадры.

С.К.: В журнале «Советский Союз» и приложении к нему «Спорт в СССР» работали очень приличные фотографы. Мы дружили, никто ни у кого не вынимал кусок изо рта. На международные соревнования аккредитовывались все — часто от разных изданий, но работали вместе. Потому что фотографии получались у нас с трех точек. Подписывались тремя фамилиями — третьим был Женя Миранский.

Когда развалился Союз, наше трио тоже распалось. Я увлекся съемками перемен, происходивших в стране, для американских изданий, Андрей работал в «Лицах» и «Коммерсанте». Но во время спортивных



«ФОТОГРАФИЯ ЖИВЕТ БЕСПРИЗОРНОЙ ЖИЗНЬЮ»

событий мы все равно старались держаться вместе с Андреем.

И вот после одной из Олимпиад — в 1996 году в Атланте — мы решили: надо заполнить всю страну нашими фотографиями. Так оно и получилось.

А почему был выбран именно спорт?

С.К.: Сам спорт мне безразличен. Ни за что не пойду на соревнование просто так — смотреть, как эти балбесы носятся по площадке. Поведение человека, свет, пластика — вот что интересно! Тогда, в советское время, пресса занималась в основном пропагандой. Мы должны были, приехав в какой-нибудь Нефтекамск, показать размах социалистического строительства. Это не было жизнью — вообще ничего общего! Тех же, кто снимал жизнь, увольняли за профнепригодность. И я решил: буду снимать спорт. Он стал для меня лазейкой, чтобы выжить.

А.Г.: А у меня так сложилась жизнь. Хотя в детстве я сам играл в футбол и хоккей, пробовал заниматься дзюдо (не получилось, потому что в электричке украли форму, которую мама купила мне за большие деньги). В общем, любил спорт.

Сергей, а как у вас возникла тема горячих точек?

С.К.: Когда я услышал выстрелы и увидел, как стотысячная толпа ходит ходуном и все кричат: «Ленина — на свалку истории!» — накатила волна адреналина... Ну и что же, что стреляют?! Есть шанс, что не убьют, зато интересно! Ехать страшно, но, когда приезжаешь, перестаешь чувствовать опасность: появляется азарт. Я похоронил многих своих коллег — классных фотографов, которые увлеклись этим. Для меня самого все закончилось в Беслане: вернувшись, понял, что больше не поеду. Все-таки фотография не стоит жизни.

А что вы снимаете для души — миную понятие «работа»?

С.К.: Родись я во второй раз, стал бы работать для National geographic. Когда путешествую, всегда беру

с собой камеру. Я и без фотоаппарата тоже «снимаю» — так устроен мозг. Пока говорил, уже несколько «кадров» сделал.

А.Г.: А я, пока не устал, снимаю

все. Бывает, что оставляю камеру дома, но потом обязательно жалею об этом... Дома у меня живут две кошки. Все время собираюсь пощелкать их, но не хватает терпения и времени.

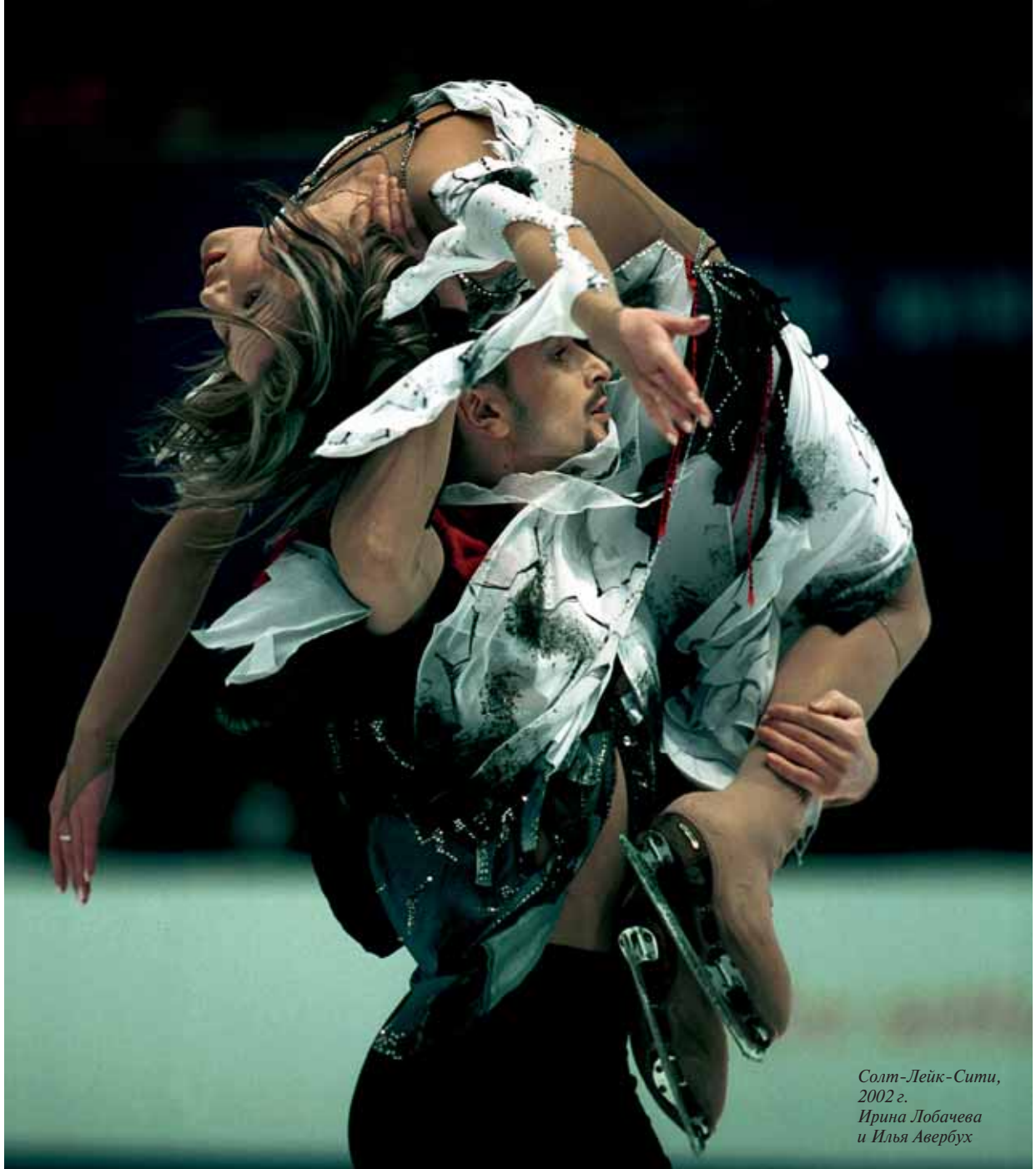
Как по-вашему, этично фотографировать человека без его разрешения?

С.К.: Если не хочешь, чтобы тебя фотографировали, не выходи на улицу. Врываться к человеку домой или в ресторан, где он ест, — неэтично, это уже папарацци. А фотографировать на улице — не вижу проблем! Следи за руками, не ковыряй в носу, не целуйся, не клади руку девушке, куда не следует, и тебя не будут снимать или снимут в нормальной ситуации. Конечно, фотограф вторгается в личное пространство человека. Но, если он будет painькой, вообще ничего не сделает.

У вас есть фотографии, с которыми связаны памятные случаи, какие-то жизненные ситуации?

А.Г.: Когда Слуцкая проиграла в Турине, я очень переживал — мы с Ирой дружим. После того как стали известны результаты, она подъехала и плакала у меня на плече. Кто-то сделал кадр. Фотография обошла все агентства, ее подписали «Ирина Слуцкая плачет на плече неизвестного»...

С.К.: С Анной Синилкиной, директором Дворца спорта, мы договорились снять тренировку Моисеевой и Миненкова. Они тогда работали с программой «Ромео и Джульетта», пришли в костюме. И, чтобы усилить романтический образ, мы выкатали на лед роля — посадили за него тренера Наталью Дубову. Вдруг появляется Синилкина и начинает кричать: «Вы с ума сошли! Немедленно уберите!» Мы к тому времени уже практически все сделали. Стали убирать



*Солт-Лейк-Сити,
2002 г.
Ирина Лобачева
и Илья Авербух*

рояль, а он не убирается: металлические ножки вмерзли в лед. Кое-как справились, потом еще вмятины водой заливали, чтобы Синилкина не увидела, что мы испортили лед.

Любая фотография — это история. Последняя произошла совсем недавно. Мы с женой отдыхали в Египте и залезли на гору Моисея. Я сфотографировал первый луч солнца. Это самое яркое впечатление моей жизни! Причем важна не сама фотография, а мои чувства и сложности, связанные с восхождением. Важно то, что я не смог снять, — фантастическое звездное небо и в свете звезд силуэты верблюдов...

А сами вы любите фотографироваться?

С.К.: В детстве я боялся, что перейду в фотографию. И был прав: человек действительно переходит в фотографию. Многих уже нет в живых, а мы их видим на

снимках. Эйнштейн до сих пор показывает язык, политрук зовет в бой, солдаты пытаются установить американский флаг, и все никак у них не получается... Все это осталось.

Интуиция важна в вашей работе?

С.К.: Я считаю, что у меня хорошая интуиция: несколько раз она меня выручала. Однажды снимал в Лужниках мотокросс, встал возле насыпного трамплина. Мотоциклисты пролетали прямо перед моим носом. И я подумал: если кто-то из них вылетит на край, то, прыгнув, попадет точно в меня! Снимаю, а одним глазом за ними слежу... И вот летит белый мотоцикл — и в меня. Я отскочил и прилип к стене. Он пролетел мимо и педалью разорвал мне джинсы, разбил колено. Не отпрыгни я тогда — все, конец...
Лада Ермолинская